

Адвокат Мария Васи и свидетели: более 400 миллиардов евро от ЕС за заказные убийства при ковиде и отмывание денег

Румынский адвокат Мария Васи показывает, как еще задолго до 2020 года было запланировано финансирование больниц на сумму в несколько сотен миллиардов евро с целью вызвать как можно больше смертей от коронавируса с помощью целенаправленно неправильного, а также излишнего лечения. По сути, это заказное убийство, которое требует расследования.

Европейский Союз принимает закон, который стимулирует больницы и, по сути, гласит, что они получают крупные суммы, если смогут продемонстрировать высокий уровень смертности. Чем больше (зарегистрированных) смертей, тем больше денег поступает. И больницы действительно добиваются таких показателей смертности с помощью предписаний о смерти...

Я вижу мертвых перед своими глазами... утром все эти трупы в коридоре в черных мешках...

Прямо сейчас я вижу это перед своими глазами... Это произошло, это ужасно! Погибло много людей.

Преступление против человечности было реальным. Оно было здесь, и поэтому сейчас настало время проводить расследование! Настало время делать выводы! Настало время предъявлять обвинения! Мы имеем право защищать свою жизнь и общество.

Интервьюер: Мы очень рады, что сегодня у нас в гостях совершенно особенный человек, а именно Мария Васи из Румынии. Она адвокат и, собственно, адвокат Кэлина Георгеску, одного из кандидатов в президенты. [Вставка: Кэлин Георгеску был временно исключен из выборов] Она активно занималась раскрытием преступлений, связанных с COVID, в период пандемии, в частности, смертоносными протоколами лечения и связанными с ними денежными потоками. Г-жа Васи, большое спасибо, что пришли к нам!

Мария Васи: Спасибо за приглашение.

Интервьюер: Вы сейчас участвуете в ряде расследований. Какие расследования ведутся в настоящее время? Можете ли вы дать нам краткий обзор?

Мария Васи: Первое расследование мы инициировали в Международном Суде в Гааге, второе — в прокуратуре Вены. Дело в том, что в Вене прокурор отвечает за расследование дела главного фигуранта, причастного к этому предписанию о смерти.

Интервьюер: Вау. Кто это, если можно спросить?

Мария Васи: Что касается пандемии, мы считаем, что ответственность лежит на высокопоставленном чиновнике, работающем в Европейской комиссии. Ведь именно эта комиссия создала правовую основу для легализации смерти в соответствии с «предписанием о смерти» и, используя это оправдание, также для огромного мошенничества. Например, в соответствии с чрезвычайными положениями, введенными в связи с пандемией, были выделены средства ЕС для чрезвычайных ситуаций.

Интервьюер: Вау. Вы упомянули Европейскую комиссию и ее участие во всех этих событиях. Я хотел бы спросить вас, были ли в самом начале, еще до начала пандемии, консалтинговые компании, которые участвовали в этом? Вы мне об этом рассказывали. И я хотел бы спросить Вас, какую роль эти консалтинговые компании сыграли в запуске всей этой пандемической машины.

Мария Васи: Я знаю, что это деликатный вопрос, и мне очень трудно выдвигать такое обвинение. Но я имею на это право, потому что у меня есть доказательства. То есть я могу их вам показать. И я представлю эти доказательства. До пандемии, то есть до апреля 2020 года, Европейская комиссия поручила консультационные услуги аудиторской компании, австрийской аудиторской компании. И после этой консультации Европейская комиссия подготовила закон, то есть закон, который противоречил европейскому закону о регулировании государственных закупок. И я утверждаю, что эта компания, то есть консалтинговая фирма, по моему мнению, находилась в серьезном конфликте интересов. Почему? Потому что они подготовили этот закон для Европейской комиссии. А во время пандемии эта компания также предоставляла консультации фармацевтическим компаниям. И даже в конце пандемии именно эта компания подготовила итоговый отчет о ситуации тех фармацевтических компаний. В этом отчете говорится: «Все было сделано правильно. В том, как они использовали огромные суммы денег для этой цели во время пандемии, нет ничего предосудительного».

Однако, согласно имеющимся у нас доказательствам, в реальности ситуация была совсем иной. Период пандемии предоставил фармацевтическим компаниям, в первую очередь, лишь грязные правила для получения денег.

И в соответствии с моими доказательствами я могу сказать вам, что это была лишь бизнес-модель для зарабатывания денег.

Интервьюер: Если речь о том, что эти консалтинговые компании помогают Европейской комиссии или Европейскому союзу в разработке законов, когда они начали сотрудничать в рамках всей этой пандемии?

Мария Васи: Как следует из документов конца 2019 года, которые я могу предоставить, они участвовали в разработке закона для Европейской комиссии и использовали этот правовой принцип в своей деятельности во время пандемии. Ведь они создали законы. Они создали правовые нормы; они создали правила, которые прервали процесс. И они также были консультантами фармацевтических компаний. Согласно законодательству, это недопустимо, поскольку речь идет об огромном конфликте интересов. И если прокуроры проверят это на основании имеющихся доказательств, я уверена, что вывод будет таким, как я вам говорю: что ничего не было

законно.

Интервьюер: Верно. В чем же заключалось нарушение правил со стороны закона, принятого Европейским союзом в апреле? Или какую ситуацию он создал?

Мария Васи: Я также представляю официальный документ ЕС с новым законом, принятым ею. В этом документе описаны правила для европейских стран, согласно которым они могут отменить процедуру выплаты чрезвычайных фондов. (Сейчас чрезвычайные фонды могут быть приобретены в случае большого количества смертей). То есть, в зависимости от количества смертей, компания может получить деньги. Это невероятно! И нельзя простить и забыть это, потому что предлагать такую стимулирующую связь между смертями и деньгами – противозаконно. По моим сведениям, я могу сказать вам, что эти безумные правовые нормы, принятые Европейской комиссией и отдельными странами в качестве внутреннего права, создают видимость закона, то есть они создали законную возможность заключить прямой договор с компанией, возможность получить огромную сумму денег. И речь идет о сотнях миллионов евро за каждый договор только потому, что больница за день до этого сообщила о большом количестве смертей. И, насколько я понимаю, врачи и медсестры должны были сообщать только о большом количестве смертей, а не о тех, кто выписался из больницы здоровым.

И поэтому теперь прокурор стоит перед очень важной задачей – расследовать, насколько врачи и медсестры соблюдали правила врачебной этики и как они применяли директиву. И, по моим сведениям, эта директива была направлена на то, чтобы вызвать смерть, а не восстановить здоровье.

Интервьюер: Да, мы сейчас перейдем к директиве. Но, возможно, для краткости: в конце 2019 года Европейский Союз нанял консалтинговую компанию. Они разработали план, как, по сути, создать стимул для больниц получать большие деньги, если они, так сказать, покажут много смертей. Чем больше смертей, тем больше денег они получали. Так я это понял.

Мария Васи: Да.

Интервьюер: А затем Европейская комиссия, Европейский союз, включила это в закон, выпустила его в апреле 2020 года, и все страны Европейского союза, конечно, должны включить этот закон в свое национальное законодательство. И так была создана вся эта система «Покажи мне мертвых, и я дам тебе деньги». Раз уж мы заговорили о деньгах, которые, по Вашим словам, были выделены в размере сотен миллионов: Европейский Союз предоставил эти деньги, или откуда взялись деньги, которые поступили в больницы? Когда они сказали: «Эй, смотрите, у меня столько умерших». Откуда взялись деньги для больниц? Кто дал эти деньги? Вы знаете?

Мария Васи: Насколько я знаю, бюджетный комитет Европейского Союза выделил на это дело более четырехсот миллиардов евро. Но и на международном уровне было много других источников финансирования. И, конечно, было бы хорошо, если бы общество выделяло огромные средства на защиту жизни. Но, как вы увидите, если проверите факты, эти деньги попадают в карманы фармацевтических компаний. И другим сомнительным лицам, вовлеченным в этот процесс, а не предназначаются

для больных людей на самом деле. По нашим данным, например, в больнице в Араде [в Румынии] им удалось получить более двух миллиардов евро для небольшого города! Могу сказать, что это было для примерно 500 человек в больнице, и только для трех выживших.

Интервьюер: Три из 500 человек выжили?

Мария Васи: Да! Тогда мы можем посчитать и увидеть, что в игре было два миллиарда, а выжило (только) три человека. Один из выживших — мой клиент К., и вы получили его показания: [Вставить: интервью свидетелей]. Он выжил только потому, что попытался и смог покинуть больницу без разрешения врачей. Вот почему он выжил. Но он на грани, потому что эти правила разрушили его здоровье. И так же, как я, вы можете изучить доказательства, прокурор — проверить, а эксперты — сказать вам, можно ли было использовать эти деньги лучше, чем это было сделано.

Интервьюер: Просто чтобы уточнить сумму, выделенную Европейским Союзом: вы сказали 400 миллионов.

Мария Васи: Да.

Интервьюер: Я думаю, вы имеете в виду миллиарды.

Мария Васи: Да, миллиарды — миллиарды!

Интервьюер: Это огромная сумма! И эта больница получает два миллиарда на лечение людей, как представляется, но — и сейчас мы поговорим о том, как лечили людей за деньги, выделенные больнице... Вы сказали, что рекомендации ВОЗ по лечению были необоснованными и привели к летальным исходам. Можете ли вы пояснить это подробнее?

Мария Васи: У меня есть доказательства. Я представляю три семьи в этом процессе. Каждая из этих семей потеряла близкого человека из-за этих протоколов лечения, и я собрала экспертные знания, медицинские знания. У меня есть заключения экспертов. И эти заключения говорят нам о механизме, с помощью которого была установлена причина смерти.

Интервьюер: Bay! Итак, если мы говорим о смертельных протоколах лечения, что получали люди там? Я имею в виду, получали ли они лекарства, которые действительно им помогали? Или что там использовалось?

Мария Васи: Больше, чем это лечение! Ведь врачи и медсестры, безусловно, были представлены в СМИ как наши герои, и, возможно, во многих случаях они и были героями. Но в случаях с моими клиентами ситуация была другой: их удерживали в больнице против их воли. Ведь в каждом случае человек просил семью о помощи, говоря: «Пожалуйста, приезжайте, потому что это не больница, это как тюрьма! Все сложно!» Но семьи не понимали этого призыва. Им говорили, что, возможно, это из-за вируса, возможно, из-за тяжести инфекции. Но мы всё проверили. И у нас есть доказательства того, что в больнице была сложная ситуация.

Интервьюер: Боже! И да, если вы говорите, что из 500 человек, умерших в этом отделении больницы для больных Covid, выжили только трое, которые теперь являются вашими клиентами, то это показывает, что на протяжении многих лет там определенно не было соответствующего лечения!

Мария Васи: Да, мы также проводим внутреннее расследование в отношении трех подозреваемых. Мы подали гражданский иск в суд, который выиграли. Сейчас ведется расследование в отношении врачей и медсестер. Одна из врачей, которая назначила неверное лечение, покинула Румынию. По моим сведениям, она пыталась бежать и сейчас находится в другой стране. Мы не знаем, в какой. Но ее поведение ясно показывает, что она знает, что ее ждет. Она знает. Она знает, что то, что действительно произошло, будет занесено в дело, и выводы будут иметь самые серьезные последствия.

Интервьюер: Можете ли вы кратко рассказать нам, о чем шла речь в судебном процессе, который вы выиграли, – каков был предмет спора?

Мария Васи: Речь шла о случае [медицинского] лечения, которое назначил врач в больнице в деле «Сербо». И согласно доказательствам – а речь идет о деле, состоящем из сотен страниц документов, а не только о наших ощущениях – согласно доказательствам, то, что происходило в больнице, действительно напоминало войну. Войну, в которой нет уважения и правил, только борьба не на жизнь, а на смерть.

Просто борьба за то, чтобы заработать очки в деле фармацевтической компании и получить прямой контракт в соответствии с этими безумными правилами.

Интервьюер: Ужас! Да. Вы упомянули эти безумные правила и говорите о массовом мошенничестве в сфере государственных закупок во время пандемии. Что именно вы обнаружили? В чем заключалось мошенничество — что произошло с этими правилами?

Мария Васи: Согласно доказательствам, например, одна компания с неизвестными акционерами получила более 10 миллиардов евро! Одна компания. Одна компания! И деньги уходят на Каймановы острова, на Кипр и в Делавэр, где находится юридический адрес этой компании.

И это невероятно, потому что, если посмотреть на документы, для того количества медицинского оборудования, которое якобы было отправлено в один город, не хватило бы места, даже если бы им завалить целую улицу.

Интервьюер: Ага.

Мария Васи: Сумма, указанная в этих документах, совершенно абсурдна. Невозможно, невозможно управлять таким количеством материалов, которые можно было бы купить за цену, указанную в документах. Поэтому ответ прост: это была просто подделка. Это означает, что все было неправдой. Этот контракт существовал только на бумаге и на банковском счете, и ничего больше.

Интервьюер: Итак, деньги поступали, но объем материалов был настолько нереально большим, что это было просто невозможно...

Мария Васи: Во многих случаях, да.

Интервьюер: ... Во многих случаях их просто не было, или они не использовались, или не поставлялись.

Мария Васи: Да, мои эксперты поделились с нами своим мнением. Всё представлено в письменном виде, и они имеют полномочия делать выводы. Эти доказательства сейчас находятся в прокуратуре. Я задаюсь вопросом, почему прокуроры не расследуют эту ситуацию быстро, ведь в их интересах, в интересах общества точно знать, что произошло во время этой пандемии. Потому что, зная это, можно всё проверить, чтобы в будущем предотвратить повторение подобной ситуации.

Интервьюер: И вы упомянули еще один случай с «Alliance Healthcare Romania». И что они размещали прямые заказы. Насколько это имеет отношение к тому, что вы только что объяснили?

Мария Васи: Речь идет не только об этой компании. По нашим текущим данным, таких компаний было около 20. Не 100, но больше 20.

Интервьюер: 20 компаний?

Мария Васи: Одна компания получила заказы на сотни тысяч евро. И компания, о которой Вы упомянули, по нашим данным, получила более 200 000 прямых контрактов. Я приведу Вам только один пример, но могу предоставить подробные доказательства. Один из контрактов был на сумму 500 миллионов евро. Только один контракт.

Интервьюер: Вау, это очень много!

Мария Васи: Только один контракт. А у компании более 200 000 прямых контрактов.

Интервьюер: Ну, либо эти деньги принесли большую пользу, либо они просто получили много денег и не сделали ничего, верно?

Мария Васи: Я не знаю подробностей, но у нас есть все доказательства. Нам просто нужно открытое признание прокурора, чтобы расследовать всё это.

Интервьюер: Верно. И когда вы говорите, что деньги уходят на Каймановы острова и в Делавэр, какова связь между этими закупками или всеми этими контрактами и деньгами, которые попадают за границу, или где эти деньги оказались?

Мария Васи: Одна компания — по нашим данным, отечественная — больше не существует, потому что прекратила производство. И теперь ее заметили при создании еще одной новой компании. У этой компании, Mediplus Exit, был владелец, неизвестный владелец. Потому что, согласно нашей официальной информации, мы не знаем, кто является владельцем. Но он проживает в Делавэре, в Соединенных Штатах. И эта компания получила огромную, огромную сумму денег. Деньги, которые, как Вы поняли, уходят на Каймановы острова, на Кипр, в Делавэр. И мне очень интересно, кто

стоит за этой компанией, потому что она получила большую часть контракта и больше всех выиграла в Румынии.

Интервьюер: Так. Вы уже провели расследование, чтобы выяснить, кто стоит за некоторыми из этих компаний?

Мария Васи: У меня нет достаточных доказательств, чтобы дать Вам уверенность. Конечно, я могу предоставить их Вам, чтобы Вы могли изучить их в будущем; эту компанию и эту связь. Я знаю, что это большое имя, которое было активно на международной политической арене во время пандемии.

Интервьюер: Ого! Если обобщить, или дать небольшой обзор, то это означает, что Европейский Союз принимает закон, который стимулирует больницы и, по сути, говорит, что они получают много денег, если смогут продемонстрировать много смертей. Чем больше [зарегистрированных] смертей, тем больше денег поступает. И больницы фактически создают эти смерти с помощью директив о смерти, и деньги поступают, и они поступают иностранным компаниям в другие страны.

Мария Васи: Да, это верно.

Интервьюер: И если один контракт составляет 500 миллионов, а таких контрактов сотни тысяч, то можно получить небольшое представление о масштабах этих денежных потоков. Разве это не деньги налогоплательщиков, по крайней мере в случае Европейского Союза?

Мария Васи: Вы затронули деликатный вопрос. Конечно, можно получить более полное представление, если изучить, в частности, утвержденные контракты. Так что нет, правительство не упускает из виду эту огромную сумму денег... Потому что, согласно этой консалтинговой компании, которая предоставляет хорошие услуги ей по консультированию, они имеют защиту и, по-видимому, правовую защиту, не платят налоги румынскому государству или другой стране, в которой они действуют.

Интервьюер: Ого. И вы сказали, что эта консалтинговая компания, я не знаю, хотите ли вы назвать какие-то имена...

Мария Васи: У нас есть имена.

Интервьюер: ...но консалтинговая компания, которая, по сути, разработала это или помогла Европейскому союзу и фармацевтической промышленности, сыграла ключевую роль. И какую роль она сыграла в проверке всех этих процедур? Она их проверяла? Какие результаты она представила?

Мария Васи: Я смело могу сказать вам, что эта консалтинговая компания занимает важное положение, что она является главным игроком в этой грязной игре, цель которой — заработать деньги и получить грязную власть за спиной официальных властей во всем мире. Я говорю вам это, потому что в таком духе — в этом грязном духе данной консалтинговой компании — всё, каждый шаг был подготовлен еще до начала пандемии. И когда я говорю вам это, я также знаю, как они обо всём замалчивают. Они поместили важные контракты, например, контракты на поставку

вакцин и контракты на важные инвестиции в медицинское оборудование, под действие статьи 346 Европейского договора. А это правовая основа для секретной информации. Информации, связанной с военными стратегиями. То есть, когда они говорят, что вирус имеет биологическое происхождение, я спрашиваю вас: «Почему вы ставите коронавирус на один уровень с биологическим оружием? И поскольку вы рассматриваете важные документы как секретные, вы пытаетесь все замять. Ведь журналисты и ответственные прокуроры не имеют права проводить расследования и выяснять, что на самом деле произошло в этом контексте, потому что у них нет доступа к реальным данным. Но то, что сейчас произошло на международном уровне, то есть то, что произошло по инициативе Каша Пателя, директора ФБР, — это открытие секретных источников информации, и я уверена, что в ближайшее время мы увидим, что на самом деле произошло во время этой пандемии.

Интервьюер: А когда вы говорите о том, что во всем этом участвуют военные, есть ли у вас примеры? Или как Румыния участвовала на военном уровне во всем этом пандемическом сценарии?

Мария Васи: Да. Не только в Румынии. Во всех странах мира, например, самые важные договоры, я имею в виду договоры на поставку вакцин, подпадают под действие этого секретного законодательства.

Интервьюер: Военная тайна.

Мария Васи: Да, военная тайна. Так.

Интервьюер: Ничего себе. Это безумие. А если посмотреть на это сейчас, на весь процесс, который вы описали. Как бы вы описали его своими словами, чтобы неспециалист мог его понять?

Мария Васи: Я очень, очень рада, что вы, как журналист, наконец-то предлагаете свой опыт и помогаете прокурорам, имея такие знания, пролить свет на эту драматическую ситуацию. И с этим новым подходом и новым восприятием людей перед лицом этой пандемической путаницы я имею очень хорошие ожидания. Настало время для всего человечества обсудить правду! Потому что только так мы можем защитить жизнь. Мы можем защитить наших детей, наше общество. Если вы предпочитаете просто молчать, то всё потеряно, потому что без вашего участия у прокурора не хватит смелости и необходимой поддержки, чтобы представить общественности истинные факты и объяснить свое заключение.

Я знаю, что первое расследование пандемии уже началось в Европейском суде. Есть также первое решение в Международном уголовном суде в Гааге, что соответствует действительности.

И они пытаются провести это расследование в позитивном и хорошем ключе. Я также хотела бы сообщить вам, что у Международного уголовного суда в Гааге есть группа экспертов, которая работает в Канаде, в Монреале. В ней более 1000 экспертов, которые дают показания о времени возникновения пандемии и происхождении вируса. И я уверена, что на основании этих показаний у прокурора не останется другого выхода, кроме как сказать правду, то есть выдвинуть обвинения против того, кто вёл эту войну против человечества во время пандемии.

Интервьюер: Что ж, это звучит как обнадеживающая новость. Насколько я знаю, у вас в Гааге также ведутся какие-то собственные расследования или дела.

Мария Васи: Да.

Интервьюер: Можете ли вы рассказать нам немного о том, как обстоят дела или что происходит в данный момент?

Мария Васи: Я знаю, что они открыли дело, но никакого дела нет. Нет настоящего дела - нет настоящего расследования. Сейчас они собирают доказательства. Поскольку наше заявление подано против важного человека, который вовлечен на высоком уровне в структуру власти в Европе, у меня нет больших ожиданий. Если вы, как журналист, начнёте своё расследование и найдёте новые доказательства, когда будете обсуждать этот вопрос, тогда, возможно, у них хватит смелости расследовать дело этого человека.

Интервьюер: Когда есть определённое давление.

Мария Васи: Да, да! Да, давление со стороны закона и со стороны правды. В таких условиях и с учётом того, что произошло в США, я думаю, они смогут с этим справиться.

Конечно, отношения между Соединенными Штатами и Международным уголовным судом в Гааге сейчас не самые лучшие. Потому что президент Трамп сейчас публично высказался против трибунала, поскольку потому что он касается дела Газы и Израиля. Но, тем не менее, я возлагаю положительные надежды на это расследование, потому что выяснить, что произошло, - в интересах всего человечества. И что касается нашего расследования, я думаю, что может быть найдено положительное решение, потому что мы представляем доказательства, не только наши обвинения, но и множество доказательств, а также множество мнений экспертов.

Интервьюер: Это интересно. Итак, на данный момент суд в Гааге всё ещё ведёт расследование, или, скорее, дело, по сути, всё ещё открыто? Расследование продолжается.

Мария Васи: Да, оно всё ещё открыто.

Интервьюер: Да. Интересно. - Ну, и в завершение я хотел бы задать вам ещё один вопрос. Он касается нынешних президентских выборов в Румынии. Как всё это связано с механизмом COVID? Не могли бы вы дать нам немного больше информации по этому вопросу?

Мария Васи: Спасибо за ваши слова, потому что вы точно выразили то, что произошло. Это механизм. Это механизм защиты от мошенничества во время пандемии.

А в Румынии, к сожалению, этот механизм блокирует избирательный процесс. И почему? Я скажу вам, почему. Потому что в Румынии был задействован важный политический деятель. И те же самые люди, которые сейчас находятся у власти в Румынии, - административная власть - блокирует независимого кандидата Кэлина Джорджеску в этом процессе, причём по бессмысленной причине. Уже второй раз они

не допускают его к выборам.

Неважно, что наше общество нуждается в нём и очень его поддерживает. Они блокируют его. А почему? Потому что Кэлин Джорджеску, будучи на разных официальных постах, выражал своё отношение к мошенничеству, выступал против грязных людей и грязной политики. И в этот период, когда они его блокировали, появились новые кандидаты. И среди этих новых кандидатов - муж женщины, которая работала в Европейской комиссии. Она была связующим звеном между Европейской комиссией и румынским правительством, когда они включали эти безумные правила во внутреннее национальное законодательство: эти абсурдные законы, которые создавали условия для получения денег фармацевтическими компаниями.

У меня нет доказательств, но я скажу вам, как я чувствовала - я ждала и наблюдала всё это время. И я рассчитываю на то, что этот человек придёт к власти с деньгами фармацевтической промышленности.

Потому что предполагала, что они попытаются поставить у власти человека, который сможет подавить расследование этого преступления, этого мошенничества и того, что произошло, этой ситуации. Потому что этот человек внезапно появился и теперь в состоянии захватить власть в Румынии.

И неважно, что это грязные законы или что они объявили выборы недействительными без законных оснований. Это наша реальность!

Это очень важно для нас. Очень, очень важно, чтобы в ходе расследований вы смогли узнать правду - не то, что я вам говорю, а узнать правду и вывести на чистую воду этот механизм защиты мошенничества, совершённого в период пандемии. И я всё ещё надеюсь, что в будущем мы сможем вернуться к законному избирательному процессу в Румынии.

Интервьюер: Что ж, это интересно. Сейчас, во всей этой ситуации, когда они пытаются скрыть мошенничество или люди, совершившие это преступление, пытаются скрыть его.

Каким будет ваше последнее послание тем, кто смотрит это интервью? Какую роль каждый может сыграть в раскрытии этого преступления?

Мария Васи: В отношении вас, вашего послания и ваших исследований здесь, я просто хочу сказать "спасибо" за ваше внимание, ваше время, ваши знания, которые вы используете на благо человечества.

Это так важно дискутировать, потому что сейчас у нас есть два лагеря. Один открыт для христианского пути, для позитивного, жизненного ожидания, а другой - для зла и разрушения законов нашей цивилизации.

Сейчас уже не время просто наблюдать по телевизору за тем, что происходит по соседству. Настало время действовать. Настало время создавать новые законы и защищать их. Потому что без этого прямого действия у нас нет хороших перспектив на будущее. Это действительно драматическое время для человечества, и настало время быть активным и находиться в этой... в этой реальности.

Интервьюер: Что ж, - отлично! Миссис Васи, всё было очень интересно. Но я хотел бы спросить вас, не могли бы вы назвать несколько компаний или людей, которые участвуют в этом проекте.

Мария Васи: Итак, я несу ответственность за доказательства, и я вам их предоставляю.

Интервьюер: Спасибо!

Мария Васи: Имея доказательства, я могу назвать это имя.

Интервьюер: Вау.

Мария Васи: Первое имя, которое было упомянуто, - Йоханнес Хан. Это [австрийский] чиновник с большими полномочиями в Европейской комиссии. Это означает, что он является президентом и комиссаром по бюджету. То есть под его подписью эта сумма денег идёт фармацевтическим компаниям, потому что они были стимулированы ситуацией с COVID.

Интервьюер: Если он председатель бюджета Европейского союза, он должен, по крайней мере, знать об этом.

Мария Васи: Да, и я также назову вам название аудиторской фирмы, которая находится под следствием, - это австрийская компания Ernst & Young (EY). У этой фирмы также есть дочерняя компания в Румынии. И она участвовала в консультациях, когда Европейская комиссия разрабатывала правила для внесения изменений в правовые положения о государственных приобретениях.

И эта компания также участвовала в составлении окончательного отчёта о том, как используются деньги. Я думаю, это означает, что они создали закон и механизм для отмывания денег. И мне также приходит на ум название компании, одной из тех, что первоначально были зарегистрированы в штате Делавэр в Соединенных Штатах. Потому что, как вы видите, эта компания в Румынии получила более десяти миллиардов евро всего за два года во время пандемии. Необъяснимо, как эта компания смогла получить такую огромную прибыль легальным путём через этот механизм, который начал действовать в апреле 2020 года и был завершён через три года. Это невозможно! Вот почему я считаю важным, чтобы прокуратура также привлекала к расследованию экспертов в различных областях, то есть специалистов, которые могут дать юридические и медицинские объяснения в области фармацевтики, а также в сфере бизнеса. Они могут дать прокурорам ответ на все эти странные вещи, которые произошли во время пандемии.

Интервьюер: Есть ли у вас как адвоката, некая сеть таких экспертов, которые могли бы помочь прокурору всё выяснить?

Мария Васи: Да, у меня есть свои эксперты, и они дают нам объяснения. Именно поэтому я имею смелость обсуждать это. Заявления и экспертное заключение сейчас находятся у прокуроров, но я предлагаю всем моим коллегам-адвокатам и потерпевшим обращаться непосредственно в Международный уголовный суд в Гааге, потому что на моём сайте есть заявления в суд для потерпевших. Это очень легко: на то, чтобы ввести всю информацию, уйдёт меньше 10 минут. И вы можете подать

заявление - если вы пострадали во время пандемии или, возможно, потеряли члена семьи, пожалуйста, подавайте заявление! Потому что если мы сделаем это вместе, то прокуратура обязана начать расследование и закончить его обвинительным заключением.

Интервьюер: Вау, это хорошая мысль. Это значит, что каждый, кто стал жертвой, может, по крайней мере, участвовать в оказании давления на правовую систему, чтобы она, наконец, разобралась с этим вопросом, верно?

Мария Васи: Да, потому что речь идёт не только о том, что случилось в прошлом. Только так мы можем защитить наше настоящее, только так мы можем защитить наше будущее. Потому что без этой нашей реакции человек – тот грязный человек, который создал этот механизм, - может повторить его.

Интервьюер: Верно. И является ли Гаага, Международный уголовный суд, первой инстанцией, или же людям следует обращаться в другие суды и выдвигать обвинения?

Мария Васи: Достаточно, если вы обратитесь в этот суд, потому что это международный суд, и этот суд обладает юрисдикцией. Конечно, прокурору не так просто начать расследование против европейских чиновников, потому что невероятно, чтобы страна, которая является членом Европейского союза, совершила такое преступление. Но это реально. Это реальность. Неважно, где мы находимся - в Европейском союзе или в Африке. Это не имеет значения! Преступление против человечества было реальным. Оно имело место, и именно поэтому настало время расследовать его! Пришло время сделать выводы! Пора выдвигать обвинения! Мы имеем право защищать свои жизни и своё общество. Мы исключительны. Наш Бог создал нас для того, чтобы мы имели хорошее здоровье и прекрасную жизнь, мы не предназначены быть жертвой. Это не для нас, людей.

Интервьюер: Вы сказали это очень хорошо, и я действительно благодарен Вам за то, что Вы раскрыли всё это, чтобы помочь людям понять, что происходило в эти безумные годы пандемии. Не хотите ли Вы сказать несколько последних слов? Или с Вашей стороны этого уже достаточно?

Мария Васи: Я предпочитаю предоставить доказательства, и мне очень, очень любопытно и очень интересно посмотреть, какое впечатление сложится у Вас, когда Вы ознакомитесь с доказательствами и всё поймёте. Потому что Вы поймёте, что на самом деле это гораздо больше, чем я могу выразить словами.

Интервьюер: Большое спасибо, миссис Васи, за то, что Вы с нами сегодня, и спасибо, что нашли время. Спасибо, что поделились с нами всем этим замечательным контентом!

Мария Васи: Спасибо Вам.

[Голос докладчика: К вашему вниманию заявления свидетеля Мариана.

[Заголовок на экране: Интервью с Марианом от 06.03.2025
Часть 1 - Отчёт свидетеля о ковид-протоколе смерти]

Интервьюер: Я имею честь сидеть здесь с Марианом из Румынии, у которого есть довольно сумасшедшая история о том, что он пережил в период ковида. Мариан, спасибо, что Вы пришли!

Мариан: Здравствуйте!

Интервьюер: Здравствуйте, я хотел бы начать вот с чего: Вы были госпитализированы в период ковида. Но что Вы делали до того, как вас госпитализировали? Какова ваша история болезни?

Мариан: Да. До того, как я попал в больницу, я, похоже, немного простудился, и у меня была небольшая температура. Это не была сильная простуда. Просто простуда в течение двух-трех дней. Терапевт сказал, что лучше сделать тест на COVID. Он оказался положительным, и тогда закрутилась вся эта история.

Интервьюер: Когда это было?

Мариан: Это было в начале ноября 2020 года.

Интервьюер: Так.

Мариан: Приехала машина скорой помощи и отвезла меня в больницу.

Интервьюер: Почему приехала скорая?

Мариан: Чтобы забрать меня и отвезти в больницу, потому что людям с COVID не разрешалось выходить на улицу или покидать свои дома. Вы должны были изолировать себя от других людей. Это было время, когда многие люди в Румынии были изолированы или сидели дома.

Интервьюер: Да, то есть Вы получили положительный результат теста у своего обычного врача и остались дома.

Мариан: Да. А потом приехали из больницы, чтобы забрать меня. Мой терапевт ввёл в какую-то систему, что у меня простуда и что они меня тестировали. А через день приехала машина скорой помощи, чтобы отвезти меня в больницу для повторного обследования. Чтобы проверить, нет ли у меня других проблем, кроме ковида. Потому что в то время у людей, которые умирали, обычно были сопутствующие заболевания [пояснение: сопутствующие заболевания, которые привели к смерти], то есть у них были другие проблемы со здоровьем. Поэтому они сказали, что необходимо наблюдать за этим в больнице.

У меня ничего не было. Когда приехала скорая, я был очень бодрым, у меня не было ни температуры, ни симптомов ковида. Я не думаю, что у меня был ковид; просто обычная простуда. Когда меня привезли в больницу, меня положили в бокс и оставили там на три-четыре часа. Затем у меня взяли кровь из пальца, измерили давление, а ещё через два часа пришли и сделали рентгеновский снимок легких.

В это время у меня не было ни воды, ни еды, ни даже туалета! Я просто оставался в

боксе.

Но ещё через несколько часов мне на телефон позвонила врач, которая, не видя меня лично, не делая никаких анализов или обследований, сказала, что я стал счастливым обладателем больничной койки.

И вот меня положили на кровать в моей повседневной одежде. У меня ничего не было - ни симптомов, ничего. Я пытался объяснить им это: Со мной всё в порядке! Я хочу домой.

"О нет, Вам нужно побыть здесь как минимум три дня, а потом мы посмотрим, можно ли Вас выписать". После того как мне сделали рентгеновский снимок легких, врач сказал: "О, это выглядит очень плохо". А я поговорил с другим врачом, который сказал: "Так у вас ничего нет - у вас нет никаких проблем".

Но была и другая проблема. За то время, что я там находился, я был вынужден принимать лекарства. Около 10 лекарств в день, а может, и больше. Часть из них - утром, остальные - вечером. И медсестра не отходила от меня, чтобы убедиться, что я их принимаю.

Интервьюер: Какие самые плохие лекарства вам приходилось принимать?

Мэриан: Проблема в том, что я не знаю, что это были за лекарства. Я спрашивал: "Что я принимаю?" - "О, это не Ваша проблема", - был ответ. Меня заставили их принять. После того как я поднял шум, что не буду принимать лекарство, если не увижу, что это такое, пришла медсестра с маленьким листком бумаги и что-то на нём написала, но ничего о лекарствах. Я не знаю, что именно я принимал. И через три дня я попытался уйти домой. Я сказал им: "Вы сказали, что я могу пойти домой. У меня ничего нет. Пожалуйста!"

"О, это невозможно - вы в плохом состоянии, вы можете умереть! У вас есть ещё одна большая проблема... Как Вы смеете идти домой!" До этого момента у меня не было никаких проблем. У меня не было высокого давления, не было диабета. У меня ничего не было. До этого момента я был здоровым человеком.

А потом они сказали, что у меня диабет, и начали давать мне инсулин. Я сказал, что нельзя давать мне инсулин, потому что, когда у вас диабет, вы сначала принимаете другие лекарства. "Нет. О нет! Нет, нужно начинать с инсулина!" И они заставили меня сделать инъекцию инсулина. В больнице я просидел на инсулине около месяца, и теперь у меня диабет. Да... Они добились успеха.

Интервьюер: Им удалось это сделать.

Мэриан: Да. И из-за этого лекарства я чувствовал себя плохо. Мне оно не нужно было. Это было похоже на яд. У меня было ощущение, что мой организм отравлен. Медсестра или врач каждый день приходили утром на десять минут, вводили лекарство и снова уходили. И снова приходили вечером, на десять минут. Они называли это "изоляцией", потому что это была "красная зона" и они могли заразиться ковидом. Я этого не понимал. Для нас это не было проблемой. У нас были телевизоры, мы чувствовали себя как в... (подыскивает английское слово), где размещают стариков.

Интервьюер: Дом престарелых.

Мэриан: Да, именно так! Но через два или три дня... через три дня один из людей в комнате умер. И этот человек сказал мне: "Пожалуйста, дай мне воды! Я умираю". Я попытался дать ему воды. Это был очень большой шок для меня. И я пытался спасти его, насколько это было возможно...

Интервьюер: Реанимировать его?

Мэриан: Да, реанимировать его. На дверях висели два номера телефона - медсестры и врача. Я звонил по ним снова и снова. Никто не приходил. Я звонил опять. Никто не приходил. После трёх часов попыток дозвониться до кого-нибудь команда врачей и медсестер сменилась. И они пришли в нашу палату. "Что происходит? Скажите нам, что случилось?" - "Этот человек умер. Я бесконечно пытался дозвониться..." - "Так что случилось?" - "Он умер. Я не знаю точно, но это было не менее трёх часов, что никто не приходил. Этого не может быть! Что вы на это скажете, когда кто-то умирает в приёмном покое больницы?"

"Мы в запретной зоне, чтобы восстановиться после Красной зоны, ясно?"

И после того как медсестра ушла, пришли два человека; два парня из отделения больницы и попытались засунуть мужчину в черный мешок. Парни были размером с меня. Они не смогли засунуть его в мешок. Они пытались снять его с больничной койки и толкали его ногой, чтобы засунуть туда. Это просто невыносимо! Потом пришли несколько врачей и спросили, что происходит. "Вынесите его из палаты и попробуйте положить его в мешок в коридоре!"

А потом умер ещё один человек. И снова никто не отвечал на звонки. Я попытался пойти в пункт сестёр и просто сказать им об этом. Но он был закрыт. Дверь была заперта, а персонал больницы находился за дверями.

интервьюер: За закрытыми дверями?

Мариан: Тогда я закричал и стал шуметь. Никто не пришел. Я открыл двери в этом отделении больницы, и там было 2-3 градуса мороза. Была зима, и я снова простудился. И это была сильная простуда. У меня поднялась температура, и мне просто дали алгокальмин, средство для понижения температуры [Википедия: обезболивающее и жаропонижающее средство]. Ничего не произошло... И они сказали: «О, этот парень умер». Они приготовили для меня черный мешок и отнесли меня в помещение для умерших. И как я позже узнал от медсестры, с которой я встретился после всех этих событий, в тот день меня внесли в список умерших. Меня объявили мертвым – умершим в больнице.

интервьюер: Потому что у вас был небольшой жар, небольшая температура?

Мариан: Да. Нет... у меня была температура больше 42 градусов.

интервьюер: Ок.

Мариан:

И никто ничего не сделал! Моя жена позвонила нескольким людям из этого места и

сказала: «Чтобы температура у Мариана снизилась, нужно дать ему немного воды, холодной воды, чтобы...»

интервьюер: Для охлаждения...

Мариан: И один человек дал мне несколько...

интервьюер: Полотенец?

Мариан:

Да, их мне наложили. А потом меня отвезли в отделение АТ [«отделение анестезии и интенсивной терапии»]. В этой больнице, это новая больница в Румынии, с большими деньгами, из этого отделения, пульмонологии, отделения легких, невозможно попасть прямо в отделение АТ внутри клиники. Чтобы туда попасть, нужно выйти на улицу. А на мне были простыни...

интервьюер: ...холодная вода...

Мариан: ... на простынях! Я был мокрый! И когда я попал на койке на улицу...

интервьюер: На колёсах?

Мариан: Да, на колесах, точно, во двор больницы. И там я полностью восстановился!

интервьюер: Ок.

Мариан:

И когда я прибыл в АТ [«отделение анестезии и интенсивной терапии»], я был в нормальном состоянии. Но я был связан...

интервьюер: Привязан к койке?

Мариан:

Связан по рукам и ногам. Но теперь в АТ...

интервьюер:

Извините, что прерываю, но те двое мужчин, которых вы описали, которые умерли, они были подключены к аппарату искусственной вентиляции легких? Им давали кислород?

Мариан:

Нет. Нет, нет! Нет, у них ничего не было. Нет. Я не знаю точно, что с ними случилось. Но я думаю, у них была другая проблема — или проблема с лекарствами, которые им дали, которые были несовместимы с жизнью. И так они умерли в больнице после того, как туда попали. Они не выглядели больными, когда привезли. Нет, я не знаю точно, в чем была проблема, потому что этих людей положили в черные мешки, похоронили, и все.

А в отделении интенсивной терапии был протокол. И этот протокол гласил, что вам нужно вводить лекарства, определенные вещества. Потому что через 30 минут я потерял сознание... Я был без сознания... не знаю. И я проснулся через три дня. Я даже не знаю точно, было ли это три дня. Но когда я попытался пошевелиться, я обнаружил, что эта рука была совсем черная. И ноги тоже. Потому что я был так крепко привязан к кровати. И я спал на этой стороне, на левой стороне. Я пытался оставаться на левой стороне. И эта рука была совсем черная. Никто этого не заметил, для них это не было проблемой. И я проснулся с несколькими капельницами на руках.

интервьюер: Да.

Мариан:

И после этого дня пришли несколько врачей — я инженер, и есть анекдот про инженеров, что у них такой же взгляд, как у собак, — и когда они увидели меня и выражение моего лица, они сказали: «О, развяжите его. Видно, что он хороший человек, который не создает проблем».

После этого я пытался вернуть чувствительность в руки и ноги, но это происходило очень, очень медленно, всего на чуть-чуть.

Проблема в отделении неотложной помощи заключалась в протоколе, потому что туда приходило много людей, пациентов. Я разговаривал с ними: шутил с ними и разговаривал так, как разговариваю сейчас с вами, и все казалось в порядке. Одна женщина ела бананы и шутила. А когда пришли врачи, они сделали ей несколько уколов, поставили капельницу, и она потеряла сознание.

интервьюер: Хорошо. Она просто надолго уснула?

Мариан: Вечером она была мертва.

интервьюер: Жесть!

Мариан:

Да. Этот протокол является причиной. Медицинский персонал сказал, что протокол необходим, мы должны его выполнять. И именно поэтому люди умирали. Я не знаю точно, как это произошло. Но я видел, как приходило много людей, которые выглядели здоровыми. А после того, как был применен протокол, они выглядели плохо и чувствовали себя плохо. И некоторые... большинство людей... на самом деле все умерли.

интервьюер: Сколько людей вы видели умирающими?

Мариан:

Я не знаю точно. После двух недель, когда я видел нового человека, я говорил себе: «Вот еще один мертвец». Я шутил, потому что они могли ходить. Это как в сериале «Ходячие мертвецы». А через некоторое время я понял: я мертвец. Но я не мог встать и ходить, потому что у меня в руке была капельница, а на другой висел аппарат для измерения давления и насыщения крови кислородом.

интервьюер: Кислород.

Мариан: У меня был катетер для мочи.

интервьюер: Оо.

Мариан:

И это невероятно. Ведь они вставили только короткую трубку, чтобы слить всю мочу. Но эти мешки, маленькие мешки, не доходили до пола. Они висели в воздухе.

интервьюер: Просто висели?

Мариан:

Висел, точно. Прикрепленный внутри меня и висящий...

интервьюер: Это должно быть очень больно..

Мариан:

Да. Приходилось лежать на боку, потому что когда мешок наполнялся мочой, никто не приходил его менять. Здесь, с другой стороны, у меня была капельница, а там — этот мешок для мочи.

интервьюер: Это ад.

Мариан: Да. Так оно было. Так оно было!

интервьюер: Когда вы говорите «АТ», это была специальная COVID-палата? Или...

Мариан: Да. Только для COVID.

интервьюер: Только для COVID. Там были только пациенты с COVID?

Мариан:

Только для больных COVID. Да, это называли «красной зоной». Красная зона. Шутка в том, что многие люди заплатили большие деньги, чтобы попасть в эту больницу, чтобы быть в этой больнице, потому что кто-то им сказал...

интервьюер: ...что это хорошая больница.

Мариан:

Да, это была единственная больница, которая могла их спасти. Но это неправда, потому что они там умерли.

интервьюер: Хорошо, если это была чисто COVID-палата, как лечили людей? Мы слышали, как лечили вас, но были ли там люди с кислородными масками и т. д.?

Мариан:

Да, у многих людей были простые маски или маски, закрывающие все лицо. Это было проблемой, потому что кислород не поступал должным образом. Я продемонстрировал это врачам. Когда я носил кислородную маску, насыщение крови кислородом было

ниже, чем без маски. А когда людям надевали полнолицевые маски, они пытались их снять. По этой причине их привязывали к кроватям.

интервьюер: Их просто связывали?

Мариан:

Связанные, да. Все люди были связаны. И для меня была еще одна проблема: они давали мне инсулин, и я не знаю точно, но они давали мне глюкозу, сахар. Это было безумие! Меня лечили от COVID в течение двух недель, после чего мне больше не давали лекарств. Протокол был завершен через две недели.

интервьюер: Ок.

Мариан:

Потому что COVID-инфекция длится всего две недели, и через две недели человек считается здоровым. А после двух недель в больнице мне понадобилось еще три дня, я должен был остаться, потому что врач пытался выманить деньги у моей матери. Он разговаривал с моей мамой.

интервьюер: Ок.

Мариан:

Он поговорил с моей мамой: «О, Мариан в порядке, но нужно еще больше лекарств, пожалуйста, приходите на прием». Этот человек хотел, чтобы моя мама дала ему денег. Я хочу еще кое-что сказать: эта больница находилась рядом с кладбищем, и моя кровать была...

интервьюер: У окна?

Мариан:

Да. И когда я посмотрел в окно, я увидел, как люди копали ямы для новых мертвых...

интервьюер: Правда?

Мариан:

Да. Да. Это было очень страшно. А ночью, ночью, многие люди умирали, потому что никто не приходил... Врачи и медсестры устраивали большую вечеринку. И никто не приходил посмотреть, что происходит с пациентами.

интервьюер: Сколько человек было в вашей комнате?

Мариан: Три или четыре.

интервьюер: Вы все должны были носить маски?

Мариан:

Нет, обычно нет. Только один человек поссорился со мной, когда я не носил эту маску... Потому что он сказал, что я могу передать COVID. Во всех больницах есть внутрибольничные инфекции. Это очень опасные бактерии, которыми некоторые люди заражаются в больницах.

интервьюер: Да, резистентные микроорганизмы, которые развиваются в больницах.

Мариан:

И я подхватил его, не только я, но и все. Один из симптомов – это то, что ты мочишься в штаны. И это также известно как запах мертвеца. Вот почему медсестра приходит и открывает окно. И это открытое окно было всего в метре от моей кровати. Я был лишь слегка прикрыт чем-то...

интервьюер: Простыней? Была зима.

Мариан:

Да. Это был один градус... Да, было зимой. На улице лежал снег, а я пролежал там около двух недель с открытым окном.

интервьюер: Боже мой!

Мариан:

Было ужасно видеть там мертвых людей и выживать в холоде. Когда я вышел оттуда, мне повезло, что врач, который меня лечил, был в отпуске или что-то в этом роде. И так меня перевели обратно в отделение с менее тяжелыми заболеваниями.

интервьюер: Да, да.

Мариан:

Было два типа врачей: плохие и хорошие. Один из хороших врачей выписал меня из больницы. Проблема была только в том, что у меня был этот устойчивый микроорганизм. Поскольку я прекратил прием всех лекарств, как того требовал протокол, у меня возникли проблемы с мочеиспусканием. Если ты хотел уйти, тебе приходилось оставаться еще на один день, чтобы посмотреть, как ты будешь себя чувствовать, не принимая лекарств. У меня поднялась высокая температура, и я начал кровоточить из всех отверстий.

интервьюер: Из всех пор...

Мариан:

Действительно. Отовсюду. Я пытался это скрыть. И доктор мне помог. Он не осматривал меня — не проверял температуру, ничего не проверял.

интервьюер: Он вас просто отпустил?

Мариан:

Так я смог бежать... уйти. Да, именно: бежать. Я вышел из больницы в крови и с высокой температурой. Но дома мне потребовался месяц, чтобы прийти в себя с

помощью антибиотиков...

интервьюер: Целый месяц?

Мариан:

Да, чтобы восстановиться после больницы... Осталась только проблема с руками, в трех пальцах нет чувствительности, и я не чувствую ноги с того места, где меня связывали. Но я стараюсь... выжить.

интервьюер: Вы их всё ещё не чувствуете?

Мариан:

Нет. Когда я беру этот стакан... Я правша. В основном я чувствую только двумя пальцами. Если я полагаюсь на другие пальцы, то случается, что я роняю стакан. У меня такая проблема. Поэтому я стараюсь водить машину левой рукой. Я все делаю левой рукой. Самым сложным является ходить в туалет или пытаться работать правой рукой. Это почти невозможно, но необходимо. Теперь я левша.

интервьюер: О Боже!

Мариан:

Все тяжелые вещи я поднимаю левой рукой. Когда я пытаюсь писать, у меня получается как у маленького ребенка.

интервьюер: Выглядит все неплохо!

Мариан:

Да, я пытаюсь читать свой почерк. Но в большинстве случаев я не могу разобрать, что написал!

интервьюер: Сколько вам было лет, когда это произошло?

Мариан: 49.

интервьюер: 49. Сколько лет было пациентам в этом отделении COVID? Это были молодые люди, пожилые люди или в основном пожилые люди с сопутствующими заболеваниями [объяснение: сопутствующие заболевания, которые привели к смерти? .]

Мариан:

Нет, всевозможные возрастные группы. Некоторым было 30 или 70, но пожилых людей было очень и очень мало. Многие были около 40 или 50 лет.

интервьюер: Вы говорите, что вы один из немногих, кто действительно выжил в этом отделении COVID.

Мариан:

Да, за это время погибло 500 человек. 500 человек. Если быть точным, погибло 497 человек, и только трое выжили после АТ [пояснение: «отделение анестезии и интенсивной терапии»].

интервьюер: Значит, погибли и люди, которые были моложе вас?

Мариан: Да, конечно. Погибло много людей всех возрастов.

интервьюер: Это безумие.

Мариан:

Другая женщина, которую я знаю, тоже сбежала. С ней было то же самое, потому что она крупная женщина. Потому что всем давали одинаковую дозу...

интервьюер: Всем одинаковую дозу?

Мариан:

Точно. Для всех! Не имело значения, весил ты 70 или 130 килограммов. Думаю, именно поэтому я выжил. Мне повезло с друзьями, с женой. Все звонили. А ночью пришел врач и шепнул мне: «Я сделаю для вас кое-что хорошее». Это был хороший врач. Там были два типа врачей. Пришел другой врач — я еще расскажу об этом — и дал мне ремдесивир [пояснение: ремдесивир — лекарственное средство для лечения лихорадки Эбола и Марбургской лихорадки]. Пришел еще один, и я спросил его: «Что в этой инфузии?» «Я не могу сказать... но вы увидите, это сделает вас счастливым!» И потом я почувствовал, как будто я летаю! Это было прекрасно.

интервьюер: Ок.

Мариан:

Но после пребывания в больнице, я не знаю точно, было ли это вызвано лекарствами или ремдесивиром, у меня возникла еще одна серьезная проблема с кровяным давлением и диабетом. У меня сильные колебания: в один день уровень сахара в крови составляет 550, а на следующий — 70 (нормальные показатели находятся в пределах 60–140 мг/дл).

интервьюер: Таким образом, вы действительно понесли ущерб и до сих пор страдаете от последствий этого протокола.

Мариан:

Да, и было очень страшно, когда кожа начала отслаиваться. Вся кожа... с рук, с груди, с волос... У меня дырки в...

интервьюер: В коже.

Мариан: Я мог вырывать целые клоки волос. Часть зубов сломалась. Все зубы

вылечены, волосы тоже.

интервьюер: О, Боже мой!

Мариан:

Я ел хлеб, и у меня крошились зубы. Это было страшно, очень страшно!

интервьюер: Все из-за этих рекомендаций по лечению. Все после того, как вас пролечили по этим рекомендациям.

Мариан:

Да, да, да. Я уже говорил об этом в начале. Я был здоровым человеком, когда поступил туда, а вышел с множеством проблем со здоровьем. В то время я посетил многих врачей, чтобы понять, что произошло и как можно [снова] выздороветь.

Но когда я сказал врачам, что симптомы появились после приема лекарств от COVID, все отвечали: «О, я не могу сказать, что произошло» или «Я не могу дать вам никаких рекомендаций».

Или они дают мне лекарство, например, морфин. Или я принимаю несколько... Я не очень разбираюсь в неврологии, но после приема этих таблеток я видела радуги в голове, в доме! Это было очень красиво, но через 30 минут мне нужно было отвезти дочь в детский сад, а с радугами в глазах невозможно водить машину!

интервьюер: Верно, точно. Неудивительно, что 500 человек погибли, если вы [едва] выжили.

Мариан:

Да, да! У меня был плохой опыт с этими врачами.

Никто не хочет сказать вам, что произошло, что с вами произошло.

Негативный пример: я пошел на обследование, на эхографию нервных окончаний. Потому что я не чувствую эту руку. Я не чувствую ноги. Они подключили меня к аппарату и пытались с помощью электричества и определенной частоты...

интервьюер: Увидеть рефлекс?

Мариан:

С определенной частотой. Они крутили ее все выше и выше, но ничего не происходило. Тогда они сказали: «О, машина сломалась». Я ответил: «Мы можем проверить, мы можем протестировать». Я переложил ее на другую руку и...

интервьюер: Это действительно сработало?

Мариан: Да! Я отбился. Я дал ему...

интервьюер: ...Оплеуху!

Мариан:

Да! Но после консультации я сказал: «Ладно, ладно, это случилось... это неважно. Просто скажите мне, что нужно сделать, чтобы мне стало лучше. Я ведь для этого пришел». А этот врач был профессором университета и работал в «красном отделении Covid»...

интервьюер: Ок...

Мариан: ... Он сказал: «Я не знаю точно, но я думаю, что ваши нервы на пределе, как у стариков в 80... может быть, в 90 лет! Что можно сделать с 90-летним человеком? Идите домой умирать».

интервьюер: Это он вам сказал?

Мариан: Да, да! В этих частях тела я чувствую себя как 90-летний старик, да.

интервьюер: Что ж, чтобы немного завершить эту тему, вы сказали мне в нашей предыдущей беседе, что пережили все это. Вы сбежали оттуда и рассказывали об этом. Вы написали об этом, чтобы предупредить других людей и задокументировать преступления, которые были совершены. Вас действительно преследуют за это. Вы, по-моему, потеряли две работы, верно?

Мариан: Да, да.

интервьюер: Только потому, что вы поделились своей историей. Как вы это объясните?

Мариан:

Люди напуганы. Это одна проблема. И еще одна проблема в том, что люди находятся под контролем... я не знаю точно, под чьим.

интервьюер: Точно... Так и чувствуется, правда? Такое ощущение, что существует какой-то мощный контроль, который не хочет, чтобы мы это слышали.

Мариан:

Да, да. Врачи боятся. Люди напуганы. И многие люди не верят в это. «О, это не может быть правдой! Это невозможно!» Они не верят, что у меня есть такая проблема.

Мои родственники и друзья говорят: «О, ты шутишь». Потому что, когда я пытаюсь серьезно об этом говорить, я начинаю плакать. Я вижу мертвых людей перед своими глазами... утром все эти трупы в коридоре в черных мешках...

Прямо сейчас я вижу это перед своими глазами... Это произошло, это ужасно! Многие люди умерли. Я ничего не мог сделать... только смотреть. Это очень, очень мучительно! К сожалению. Это очень, очень плохо, что я не смог им помочь. Я не мог

ничего сделать, чтобы помочь...

Погиб не один человек. Погибло много людей, и именно поэтому я пришел сюда, несмотря на последствия, которые это может иметь. Возможно, мне придется снова искать новую работу или что-то в этом роде. Но больше всего я беспокоюсь о своей семье, потому что это коснется и их. Но люди, которые погибли, эти мертвые, они заслужили это...

интервьюер: ...иметь голос.

Мариан:

Совершенно верно. Чтобы люди узнали правду. Чтобы правда была сказана. Потому что я был там и, возможно, я последний, кто знает об этом; кто может прийти сюда и свидетельствовать об этом. Никто другой не может этого сделать. Потому что они умерли...

интервьюер: Спасибо, что пришли! Спасибо, что пришли, Мариан. Спасибо, что поделились с нами. Это очень, очень трогательное свидетельство. И оно показывает, насколько велико было преступление. Мы рады, что вы пришли.

Мариан: Я мог бы говорить об этом времени два дня, а может, и еще два. Но я думаю... что на сегодня достаточно.

Интервьюер: Спасибо, что поделились этим с нами. Это был довольно хороший обзор. И я надеюсь, что люди услышат то послание, которое вы послали. Вы — голос сотен людей, которые были убиты, замучены в этих больницах из-за этих [коронавирусных] протоколов лечения. И для людей...

Мариан: Тысячи в Румынии.

интервьюер: Да, тысячи. Спасибо, что поделились этим с нами.

[Ведущий:] Теперь следуют показания свидетелей Адрианы и Мариана.

Titel im Bildschirm:

Интервью с Адрианой и Марианом от 06.03.2025

Часть 2 — Свидетельские показания о протоколе смерти от Covid

интервьюер:

Для меня большая честь быть здесь с Адрианой и Марианом из Румынии. Они оба являются непосредственными свидетелями некоторых ужасных вещей, которые произошли во время мер по борьбе с COVID в Румынии. Не могли бы Вы рассказать нам, что произошло с миллиардами евро, которые были потрачены на меры по борьбе с COVID?

Адриана:

Да. Я могу сказать только одно: мою мать убили за деньги. Я в этом уверена. Когда она

Адвокат Мария Васи и свидетели: более 400 миллиардов евро от ЕС за заказные убийства при ковиде и отмывание денег

лежала в больнице, я не знаю, была ли она заражена COVID или нет, ее не тестировали. Когда она умерла и я увидела лекарства, которые ей давали, я была в шоке. И моя семья тоже.

интервьюер: Что ей дали?

Адриана: Она получила 44 препарата.

интервьюер: Вау.

Адриана: 44. В основном противовирусные препараты. Норвир, дарунавир, ремдесивир. Но они не знают, был ли у нее COVID, потому что тест не делали. В больнице 8 декабря моей маме сделали неверный тест. 16 декабря 2020 года она умерла. Но она умерла, потому что хотела домой, а ее не отпускали. Она не была в больнице все время. Она пробыла в больнице 17 дней. У нее не было температуры, она могла нормально дышать, мы думаем, что это была какая-то паника, потому что она много смотрела телевизор. Она смотрела телевизор, все СМИ, и я думаю, что она испугалась и запаниковала. Я не думаю, что ей нужно было ложиться в больницу из-за этого. Ведь моя мама 50 лет проработала учителем математики и была очень здоровым человеком, как умственно, так и физически. А в больнице маме давали лекарства. Ей давали диазепам, фенobarбитал, ксанакс и нейролептик: галоперидол. Каждый день в 10 утра и в 10 вечера они давали ей это в виде коктейля. 30 галоперидола, один диазепам, один фенobarбитал или ксанакс. Но речь шла о COVID, при котором невозможно дышать. Почему они давали ей успокоительное?

интервьюер: Ваша мать была в хорошей форме, она была здорова, попала в больницу, а через 17 дней умерла?

Адриана:

Да. Ее убили, потому что она хотела домой. У нее было насыщение кислородом 92 %. Давление было хорошее. Пульс был хороший. И она могла вставать с постели. Она сказала: «Я не хочу лекарств, я ничего не хочу, я просто хочу домой». Врач сказал: «Давайте интубировать». И они интубировали ее с помощью фентанила, мидазолама, дали ей листанон для интубации, и через две минуты она умерла.

интервьюер: И вы это исследовали и нашли все эти материалы. Как Вы это узнали?

Адриана: Была проведена эксгумация. Через три года после ее смерти. Прокурор сказал: "Хорошо..."

интервьюер: Значит, было проведено вскрытие?

Адриана:

Да, чтобы увидеть токсикологическое заключение. Когда я увидела на бумаге все лекарства, которые давали моей матери, я все время спрашивала: зачем? Ведь моя

мать была в порядке, она была пожилая и здоровая. И у нас есть доказательства, потому что в больнице сделали несколько анализов моей матери. В первый день все было в порядке. У нее ничего не обнаружили. Совсем ничего. А потом они сказали, что моя мама не может дышать. Хорошо. Она не может дышать. Но ей дали ксанакс. Зачем? Диазепам. Зачем? Ей дали мидазолам. Фенобарбитал. Много успокоительных, зачем? Моя мама каждый день звонила мне. И она все время просила: «Забери меня домой, забери меня домой, я тебя умоляю, забери меня отсюда домой. Никто за нами не следит. Только для того, чтобы дать лекарства, а потом мы остаемся здесь одни. Они закрывают дверь в больнице и приходят только для того, чтобы дать мне лекарства». Я позвонила врачу и сказала, что хочу забрать маму или перевести ее в другую больницу, потому что она сказала, что в этой больнице с ней плохо обращаются. Но они не хотели отдавать мне маму.

интервьюер: Так Вам не разрешили ее забрать?

Адриана:

Нет, они все время говорили, что она положительна, что она положительна. А я им говорила, что хочу увидеть тест, где тест. Они не показали мне тест на Covid. А после того, как она умерла, нам не разрешили ее увидеть. Они положили ее в черный мешок для трупов, в два мешка: первый был белый, а сверху черный. Мы видели это при эксгумации, и на ней были только подгузники. Потому что они положили ее в черный мешок в подгузниках и не помыли, у нее была кровь на лице. Они не позволили нам опознать мою мать. Три года мы не знали, моя это мать или нет, потому что они сказали, что если покажут тело, если откроют мешок (Мариан: выпрыгнет Covid...), нет, нет. Но они сказали, что полиция нас арестует, потому что это уголовное дело. Но я не могла видеть, моя ли там мать. Они не хотели, чтобы я видела ее после смерти.

интервьюер: И раз уж мы заговорили об этом преступлении, о том, что ей давали все эти лекарства: мне рассказали, что по всей Румынии это был большой бизнес. Что это был за бизнес?

Адриана: В Араде, в больнице Арада, это было два миллиарда евро.

интервьюер: Два миллиарда в одной больнице. Сколько же во всей стране?

Мариан: Около 350 миллиардов в Румынии.

интервьюер: Bay!

Адриана: Да, у нас есть доказательства. Больницы делали закупки. C-car [si-kær]— это название веб-сайта, на котором больницы закупают медицинские товары.

интервьюер: Итак, вы проверили, сколько они заработали за это время.

Адриана: Одна медсестра рассказала мне, что в этой больнице, в этом отделении, было 12 коек, и они сказали, что моя мама заражена.

интервьюер: Хорошо, у нее была инфекция?

Адриана: Да

интервьюер: Или вам сказали, что у нее инфекция?

Адриана: Нет, они этого не говорили. Позже я увидела это черным по белому на бумаге и спросила себя: почему?

интервьюер: А, она подхватила инфекцию в больнице.

Адриана: Да. Почему? Потому что моя мама носила ту же маску, что и другой пациент.

интервьюер: Они дали чужую маску?

Адриана: Да.

Мариан:

Они снимали маски с умерших и отдавали их другим пациентам.

интервьюер: Так они действительно потратили два миллиарда, но все равно передавали маски от одних другим?

Мариан: Да. И у них не было элементарного набора для очистки ран. У них даже не было медицинского спирта для дезинфекции.

интервьюер: Это звучит так, будто хотят, чтобы люди умирали.

Адриана:

Да, потому что когда я увидела, что в этой части больницы у них нет масок, я спросила себя, почему. Они потратили столько денег. Я перешла на С-Сар в самый подходящий момент, и то, что я там увидела, меня потрясло. Где маски? Они же делают столько покупок. Они потратили миллиарды.

Мариан: Были потрачены миллиарды, но эти материалы и запасы так и не дошли до больниц.

интервьюер: Только мидазолам и фентанил.

Мариан: Я полагаю, что бóльшая часть лекарств, которые использовались для лечения, поступала из складов крупных фармацевтических концернов. И это был подходящий момент, чтобы их продать и избавиться от них через пациентов. Ведь эти пациенты умерли, а в Румынии невозможно провести вскрытие, чтобы выяснить, от чего умерли эти люди. Таким образом, этим пациентам можно было давать много лекарств и проводить лечение, и никто не мог доказать, что это действительно было сделано, потому что это невозможно проверить. Это был механизм траты денег, и никто не может этого доказать.

интервьюер: Эти 350 миллиардов, очевидно, не помогли пациентам, куда пошли эти деньги?

Мариан:

Это было явное преступление, потому что снова и снова применяли одни и те же методы лечения, назначали одни и те же лекарства, а люди умирали. Ладно, умирает один человек, умирают два человека, но если через неделю люди все еще умирают, то нужно что-то менять.

интервьюер: Да, что-то нужно менять..

Мариан: Именно! Вы видите, что эти лекарства не подходят для лечения COVID, они вредны для людей. Но они все равно продолжали их использовать и даже увеличивали дозы.

И это было очень, очень страшно. Я был там и видел, как люди умирали в течение полудня или около того, потому что нужно было освободить койку, чтобы принять другого пациента и дать ему лекарства. Это продолжалось без конца.

интервьюер: Убийство следующего

Мариан:

Да, это была машина для убийства людей и введения им лекарств.

Адриана: Да, и пациенты платили, чтобы получить койку в больнице.

Мариан:

Да, это еще один момент: было сказано, что посещение больницы Арад Градисте было единственной возможностью остаться в живых, и многие люди платили, чтобы попасть туда, не зная, что это была «бойня». Люди платили, чтобы попасть туда! И через несколько дней, может быть 3, максимум 5, они умирали. Некоторые сопротивлялись больше, чем другие, но все умирали.

Адриана:

Они не провели никакого расследования или анализа. Только обычное, больше ничего. Но они все время давали ей лекарства, все время лекарства.

Мариан:

Надевали маски на лицо. Но проблема была не в том, что они не работали. Проблема заключалась в том, что медицинский персонал не знал, как их использовать. И во многих случаях, которые я наблюдал, они надевали маски на пациентов, после чего те не могли дышать, и в результате они задохнулись в масках или в этом новом аппарате.

Адриана:

А поскольку они не хотели держать маски на лице, им давали лекарства.

интервьюер: Сколько людей умерло в Румынии в этот период?

Мариан:

В этом месяце только в одном отделении умерло около пятисот человек. Но в Румынии...

интервьюер: Только в этой больнице, в одном отделении больницы 500 человек?

Мариан:

Да. Только три человека смогли спастись. Я один из них! А во всей Румынии от Covid умерло 68 000 человек. Я не знаю точно, что там происходило и какие лекарства или лечение получали люди.

Адриана: За время пандемии в этом отделении больницы в Араде умерли 1860 человек. Только в этом одном отделении на 12 коек. Нет, было три отделения. И только в этом отделении умерли 700 человек. Только в этом отделении на 12 коек.

интервьюер: Ого, 700 человек. За какой период?

Адриана: 2020 - 2023

Мариан:

Многие люди умерли в этот период, в ноябре и декабре 2020 года. До 2021 года, всего за два месяца.

Адриана: Маска, кислородная маска не годилась. Моя мама звонила мне каждый день и говорила, что не может дышать в маске. Это плохо для меня. Без маски я дышу лучше. Почему они надевают ее на меня?

Мариан:

Я показал врачу, что насыщение кислородом с кислородной маской было хуже, чем без маски. Без маски у меня было около 95–97, с маской, то есть с кислородной маской, уровень кислорода снизился до 91.

интервьюер: С «кислородной маской», да?!

Мариан:

Да, это НЕ был кислород. Я не знаю, что это было. Но этот кислород убивал людей. Я серьезно. Рядом со мной лежал мужчина. Я не знаю, сколько ему было лет. Он мог двигаться и был связан по рукам и ногам.

интервьюер: Он был привязан к кровати?

Мариан: Да, и через три дня пришли несколько медсестер, чтобы посмотреть, что с ним. И одна из них сняла с него маску. Это была большая маска, которая покрывала все его лицо (CPAP). Эта маска закрывала нос и подбородок. Было страшно видеть этого человека, похожего на скелет. Были видны его носовые кости, и он все время кричал! Вы не можете себе представить, как это звучало, и никто не приходил проверить, как он (ни один сотрудник), никто!

Я хочу сказать еще кое-что: когда кто-то умирал, все радовались. Медицинский персонал радовался. Я думаю, они получали деньги за это, поэтому и радовались: «Ура, еще один умер, да!»

интервьюер: Как вы думаете, кто на высшем уровне хотел этого? Ведь это происходило по всей Румынии, не так ли?

Мариан:

Это протокол ВОЗ. Это протокол. Протокол был соблюден, и именно поэтому люди умерли, потому что наша страна соблюдала протокол. И еще один приказ поступил от военного генерала, поскольку мы находились в «чрезвычайном положении». Все знали, что нельзя ничего говорить против этого, потому что это был приказ сверху, от правительства.

Адриана: Да, от правительства.

Мариан: Чтобы сохранить лицензию врача, нужно было точно следовать протоколу и применять его на практике.

интервьюер: Откуда взялись все эти деньги, почему на бумаге было столько денег?

Адриана: Деньги, которые они получили, были в два-три раза больше, чем требовалось. Ведь если поискать в Google, например, если я хочу купить компьютерный томограф...

Мариан: Например, кровать могла стоить 6000 евро по счету, а на самом деле она стоила всего 1000 евро. Вот примерно так все и происходило.

интервьюер: То есть на бумаге.....

Мариан:

Все поставщики, все поставщики, все делали это, все поставщики кроватей (например), было время, когда можно было много заработать — быстро разбогатеть, если работать в этой сфере.

Адриана:

Во время пандемии я заметила, что за два месяца в Араде аптеки Dr. Max Pharmacy выросли как грибы после дождя. На каждой улице Арада открывалась аптека Dr. Max, повсюду! Я задалась вопросом: откуда за два месяца появилось столько аптек Dr. Max?

Мариан: Как грибы после дождя (Да, верно). ... так много аптек вдруг появилось.

интервьюер:

Да. Но я нахожу это действительно интересным — и я хочу немного углубить то, что вы сказали: деньги, которые были указаны в качестве цены за кровать, или шестикратная сумма, которая была фактически потрачена, была зафиксирована, а новой кровати так и нет. Это звучит как...

Мариан:

Я был в больнице, когда кто-то из министерства пришел посмотреть на новые кровати, и я лежал на одной из них. Эта новая кровать была пластиковой. Она вообще-то должна была помогать пациентам менять положение, чтобы он мог двигаться...

Адриана: Специальная кровать. ..

Мариан:

Да, потому что если пациенты долго остаются в постели, это приводит к пневмонии. Телу необходимо двигаться. Именно. Но эти кровати не помогали менять положение! Они оставались на месте, без изменения. Кровати просто оставались в нижнем положении, в неподвижном положении. Это было очень, очень плохо. И когда пришел человек из министерства, я сказал: «Пожалуйста, замените мне эту кровать. Я не могу оставаться в этой кровати», я услышал: «Эта кровать стоила 6000 евро! Что за дерьмо вы здесь купили!?» Или что-то в этом роде... «Пожалуйста, замените кровать», сказал (чиновник министерства) мужчине. И в этом регионе было заключено несколько сделок с этими европейскими деньгами.

Но медсестры в Румынии, которые родом из этого района, не хотят работать в той больнице, потому что знают, что там есть проблема. И многие люди приезжают из-за денег, как мы говорим в Румынии, по договоренности о деньгах. Если вы хотите работать медсестрой в наших больницах, неважно, есть ли у вас дипломы, специальность или опыт. Просто дайте мне 5000 евро (взятку), и на следующий день

вы станете милой медсестрой в больнице в Румынии.
И это (со мной) произошло там. Понимаете, мне не повезло — они на мне практиковались — они пытались найти вену.

интервьюер: Они пытались попасть в вену?

Мариан:

Да. И они в течение пяти минут пытались это сделать. Одна медсестра держала мою руку, а другая колола.

Адриана:

Они не смогли найти — они не знают, как найти артерию или вену.

Мариан: Да, да, точно.

Адриана: Потому что у них нет опыта.

Мариан: Это было так для всех. Эти женщины не имеют опыта.

интервьюер: Верно

Мариан:

Очень плохо всё. Но я думаю... Я думаю, что много денег поступает как зарплата или другими способами. И в Румынии есть еще одна плохая привычка. Необходимо давать взятки медсестрам — давать им деньги, давать деньги врачу...

Адриана:

Если не дашь им денег, они тебя не помогут. Они тебе не дадут есть! Моя мама не получала какого питания.

Мариан:

Я пролежал там целый день, покрытый дерьмом, потому что не мог пошевелиться — я был связан по рукам и ногам.

интервьюер: Вы были привязаны к кровати?

Мариан: Именно, потому что медсестра не получила денег.

интервьюер: Понятно.

Мариан: Да. Я не мог дать деньги, потому что был связан. . . Но это такой...

интервьюер: Менталитет.

Мариан: Да, менталитет.

Никто не хочет, чтобы эта структура была разоблачена. И еще одна причина заключается в том, что все, кто слышит об этом, боятся и говорят: «Я не хочу этого слышать, я не хочу этого видеть и не хочу в этом участвовать». Очень хорошим примером является процесс.

.

Адриана:

У меня дело в суде, и за 4 года прокурора меняли 6 раз, так что никаких результатов нет.

Они многое подделали. Все документы моей матери поддельные. Рентгеновский снимок, анализ, рентгенограмма легких. Я могу показать вам, как они поступили с моей матерью. Я могу показать это прокурору. У меня много доказательств. Но это их не интересует.

Мариан: Прокурор не хочет принимать доказательства.

Адриана: Они меняют прокурора. Это решение принимается на более высоком уровне.

интервьюер: Да, большое спасибо вам за это замечательное интервью, спасибо, что вы были с нами.

[Конец:]

Посвящено Мариану и всем другим жертвам коронавирусных протоколов смерти.

Распространите этот документ.

Предотвратите дальнейшие преступления против человечества.

от hm

Источники:

Интервью

Может быть вас тоже интересует:

#BigPharma - Big Pharma - www.kla.tv/BigPharma

#COVID-19 - www.kla.tv/COVID-19

#intervyu - Интервью - www.kla.tv/intervyu

Kla.TV – Другие новости ... свободные – независимые – без цензуры ...

- О чем СМИ не должны молчать ...
- Мало слышанное от народа, для народа...
- регулярные новости на www.kla.tv/ru

Оставайтесь с нами!

Бесплатную рассылку новостей по электронной почте

Вы можете получить по ссылке www.kla.tv/abo-ru

Инструкция по безопасности:

Несогласные голоса, к сожалению, все снова подвергаются цензуре и подавлению. До тех пор, пока мы не будем сообщать в соответствии с интересами и идеологией системной прессы, мы всегда должны ожидать, что будут искать предлоги, чтобы заблокировать или навредить Kla.TV.

Поэтому объединитесь сегодня в сеть независимо от интернета!

Нажмите здесь: www.kla.tv/vernetzung&lang=ru

Лицензия: *Creative Commons License с указанием названия*

Распространение и переработка желательно с указанием названия! При этом материал не может быть представлен вне контекста. Учреждения, финансируемые за счет государственных средств, не могут пользоваться ими без консультации. Нарушения могут преследоваться по закону.